

Климова Светлана Борисовна

"ПРОМЕТЕЙ" БАЙРОНА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ДВОЙНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ АНТИЧНОГО МИФА

Статья раскрывает одну из причин "магического" воздействия поэзии Байрона через анализ мотивной структуры и образной системы стихотворения "Прометей". В его предельно сжатом поэтическом пространстве античный сюжет сталкивается с драматичной политической реальностью, христиански-ориентированной моралью и трагическим мироощущением пореволюционной эпохи. Статья также рассматривает особенности прочтения байроновского текста русскими переводчиками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 81-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Белецкая А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. С. 17.
6. Гойхман О. Я. Русский язык и культура речи: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. О. Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 240.
7. Кеворков В. Д. Кто сшил костюм [Электронный ресурс]? URL: <http://www.aup.ru/articles/marketing/30.htm>
8. Макаревич Л. Стратегии маркетинга кратко [Электронный ресурс]. URL: http://www.iteam.ru/publications/marketing/section_28//article_2057. 11.05.2010
9. Макграт Д. Может ли B2B быть секси, или *To Be Sexy - Be B2B*: где найти сексуальные бренды [Электронный ресурс]? // Маркетинг PRO. URL: www.marketingpro.ru (дата обращения: 12.01.2009).
10. Москвин В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 637
11. Патриот нового времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.beautifultext.ru/?page_id=28_2009
12. Подарки, повышающие лояльность клиентов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biztimes.ru/index.php?artid=1956> (дата обращения: 17.12.2009).
13. Скоробогатова Т. А. Маркетинг vs. продажи: борьба за территорию [Электронный ресурс]. URL: <http://biztimes.ru/index.php?cat-2> (дата обращения: 12.10.2009).
14. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a.-M., 1976. S. 194.

“STATEMENT” AS ARGUMENTATIVE DISCOURSE SPEECH TACTICS

Galina Aleksandrovna Kim

*Department of Intercultural Communications and Social-Classical Disciplines
International Business-Academy, Karaganda, Kazakhstan
gaidakim@mail.ru*

The article is devoted to the argumentative discourse speech tactics “statement” application pragmatic aspects. The considered tactics functioning peculiarities, its realization opportunities by lexical and grammatical means are shown. Texts from “Marketing” sphere are presented for the analysis.

Key words and phrases: argumentative discourse; speech strategy; speech tactics; representatives; performative verbs.

УДК 82

Статья раскрывает одну из причин «магического» воздействия поэзии Байрона через анализ мотивной структуры и образной системы стихотворения «Прометей». В его предельно сжатом поэтическом пространстве античный сюжет сталкивается с драматичной политической реальностью, христиански-ориентированной моралью и трагическим мироощущением пореволюционной эпохи. Статья также рассматривает особенности прочтения байроновского текста русскими переводчиками.

Ключевые слова и фразы: миф; мотивная структура; образная система; перевод.

Светлана Борисовна Климова, к. филол. н.

Кафедра стилистики русского языка и культуры речи

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
sk470@cat.ac.uk*

«ПРОМЕТЕЙ» БАЙРОНА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ДВОЙНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ АНТИЧНОГО МИФА[©]

Стихотворение «Прометей» (*Prometheus*) создано в июле 1816 г. в Швейцарии в очень сложный для Байрона период. Изгнанник и беглец из Англии, он был охвачен тяжелыми переживаниями и гнетущими воспоминаниями о недавнем прошлом - женитьбе, семейной жизни, разрыве, общественном осуждении [6, с. 100-110].

Прямое свидетельство болезненности его душевного состояния - «Альпийский журнал» (*The Alpine Journal*), который Байрон вел летом-осенью 1816 г. Запись от 28 сентября, в частности, содержит следующее: *I am a lover of Nature - and an Admirer of Beauty - I can bear fatigue - <...> and have seen some of the noblest views in the world. - But in all this - the recollections of bitterness - <...> which must accompany me through life - have preyed upon me here - and neither the music of the Shepherd - the crashing of Avalanche - nor the torrent - <...> - have for one moment - lightened the weight upon my heart - nor enabled me to lose my own wretched identity in the majesty and the power and the Glory - around - above - and beneath me...* [8, p. 104-105].

Текст «Альпийского журнала» обнаруживает, помимо болезненного состояния духа, другие «токи», активно формировавшие в это время байроновскую поэтику. Это внимание к природному миру, мифологичность мышления, влияние политического радикализма и «вордсвортской метафизичности» П.-Б. Шелли. Из

этих «токов» рождаются «Тьма» (*Darkness*), «Сон» (*The Dream*), «Прометей», «Паломничество Чайльд-Гарольда» (III) (*Childe Harold's Pilgrimage* (III)), «Шильонский узник» (*The Prisoner of Chillon*), «Манфред» (*Manfred*).

Из художественного мира «Прометей» исключено изображение деталей природного мира и движений человеческой души. Это - лирическое размышление об античном мифе. Байрон исходит из сюжетной канвы мифа античного, но выстраивает новый, романтический миф, в котором по-новому прочитывается и образ Прометей, и его противоборство, и образ мироустройства, и место в нем человека. Мир байроновского «Прометей» романтичен, в первую очередь, потому, что он имеет моральное измерение. Другой важнейший романтический «поворот» античного мифа у Байрона - это изображение внешнего и внутреннего устройства мира как симметричного и дисгармоничного [10].

Близким к такой переработке античного мифа является более позднее пересоздание его в стихотворной лирической драме другого английского поэта-романтика П.-Б. Шелли «Прометей освобожденный» (*Prometheus Unbound*, 1818-1819 гг.). Как известно, Байрон и Шелли, а также Мэри Шелли, жена поэта и автор самого популярного в настоящее время английского романа этого периода «Франкенштейн, или Прометей современных» (*Frankenstein: or, The Modern Prometheus*, 1816-1818), состояли в близких, по-настоящему дружественных и соседских отношениях в 1816 г. В это время семья Шелли жила в Женеве, а Байрон со своим другом и лечащим врачом Джоном Полидори поселился неподалеку, на вилле Диодати. Они часто встречались и вели оживленные беседы. Неслучайным в этом свете предстает обращение всех троих примерно в одно и то же время к античному мифу о Прометее. Оставляя в стороне разговор о романе Мэри Шелли как о произведении прозаическом и отчасти ироническом, нельзя обойти вниманием общие сходства и различия между двумя «высокими» поэтическими переработками мифа о Прометее английскими поэтами-романтиками.

Смысловые поля байроновского «Прометей» и «Освобожденного Прометей» Шелли сближаются в разработке тем тиранства высшей власти и противостояния ей, ее принципиальной моральной несправедливости и истинной праведности противостоящего ей титана. В то же время, это два *разных* слова о современном поэтам человеке и человечестве. Шелли драматизирует диалектическую «историю восхождения Человеческого Разума к совершенству» [11, р. 30-31]. Стихотворение Байрона лирически изображает метафизическую необходимость и тщетность противоборства человека судьбе. За этими двумя интерпретациями стоят разные понимания человеческой природы, истории, мира.

Моральное измерение «событий», дисгармоничность мироустройства, симметрия внешнего и внутреннего бытия, - эти три основные характеристики мира байроновского «Прометей» ясно прочитываются в его мотивной структуре и образной системе. Обратимся к ним. Мотив смерти / бессмертия - первый ясно выраженный мотив стихотворения:

*Titan! To whose immortal eyes
The sufferings of mortality,
Seen in their sad reality,
Were not as things that gods despise;
What was thy pity's recompense* [9, р. 48 - 49]?

Он возникает в первой строке первой строфы в характеристике бессмертия Прометей; уже вторая строка антитестично развивает его в словах о смертности человека. Здесь же к мотиву смерти / бессмертия подсоединяется мотив страданий (*sufferings*). Страдания предстают неизменно сопровождающими «смертных» и характеризующими именно их «смертный» мир.

В третьей строке на развитие и углубление мотива смерти работает рифмическая параллель *mortality - reality* и семантическая: *sufferings - sad*. «Реальность», которую в контексте байроновской поэзии следует понимать как реальность социально-историческую, предстает признаком человеческого мира и определяется в прямой связи с сущностными характеристиками человеческой природы - смертностью и страданием.

Тем ощутимее трагичность «падения» Прометей из мира «бессмертных» (богов - *gods*) в мир страданий (*suffering*), горя (*sense of woe*) и боли (*pain*). Однако и в состоянии падения титан не только сближается со «смертными», но противопоставит им как явление исключительное. Его страдание единично, молчаливо и предельно интенсивно (*a silent suffering, and intense; The rock, the vulture, and the chain*). В то же время, в исключительности своего страдания Прометей предстает близким «гордым» (*the proud - they*) - «исключительным» романтическим личностям, чей образ прочно вошел в западноевропейский романтизм с «восточными» повестями Байрона.

Причиной «падения» Прометей в 4 и 5 строках строфы предстает его собственный внутренний отказ от космического порядка - его попытка стать причастным человеческим страданиям (*thy pity's recompense*). С этой точки зрения погружение титана в страдание закономерно. С позиции морально-нравственной оно является трагичным парадоксом «инверсированного» мироздания.

Тема имморальности космического порядка намеком звучит в первой строфе в словах «сочувствие» (*pity*) и «презирать» (*despise*). Она разворачивается во второй строфе через мотивы тиранства, судьбы и противостояния (противоборства). Взаимодействие между ними вычерчивается сложно. Противоборство в начале строфы рисуется как внутреннее противостояние воли (*the will*), страданию (*the suffering*), или противостоя-

ние духовного начала физическому. Затем оно осознается как внутреннее, духовное противостояние титана внешнему тираническому давлению, которое последовательно получает наименования «неумолимое Небо» (*inexorable Heaven*), «глухая тирания Судьбы» (*the deaf tyranny of Fate*), «Ненавидящая власть» (*the ruling principle of Hate*) и «Громовержец» (*the Thunderer*). Порядок введения наименований работает на создание сложного образа имморального мирового порядка, в котором Громовержец играет роль его личного и ограниченного вершителя. Не случайно противник Прометея нигде не получает конкретного имени «Зевс». Закономерно с этой точки зрения и то, для байроновского Громовержца окончательная победа над титаном предстает невозможной, отношения с совестью - противоречивыми, а знание о новом повороте судьбы - недоступным.

Последняя строфа закрепляет за мотивом противостояния внутреннюю углубленность. Она указывает на «неутомимую энергию» (*patient energy*) и «стойкость» (*endurance*) как на важнейшие измерения прометеевой и человеческой добродетели. В обобщающем сочетании «Земля и Небо» (*Earth and Heaven*) она определяет противником Прометея мироустройство в целом. Стихотворение (и третья строфа) оканчивается романтически звучащей «моралью», которая объявляет Прометея «символом и знаком» человеческих судьбы и силы. Параллели, устанавливаемые между человеком и Прометеем, однако, не прямые.

Человечество, так же как Прометей, изображается в третьей строфе наделенным божественным духом, страдающим и борющимся. Так же, как судьба Прометея, его судьба печальна и определена. Так же, как для титана, «Победа» (*Victory*) для человека есть противоборство, подразумевающее неизбежность борьбы и невозможность окончательного принятия мира или его окончательной переделки.

Человек, в то же время, у Байрона борется не с мировым порядком в целом и не с богами, но с собственным «несоединимым существованием» (*unallied existence*), противопоставляя свой «Дух» (*Spirit*), «разум» (*mind*), «волю» (*will*) своим мучениям (*torture*), своему жалкому бытию (*all woes / wretchedness*) и смерти (*death*). Иными словами, в образе человека мотив противоборства получает новое осмысление как противоборство внутреннее (*its own concentr'd recompense*), а мотивы судьбы и смерти предельно сближаются (*funereal destiny*).

Как видим, байроновский «Прометей» является романтическим лирическим размышлением о несправедном и дисгармоничном мироустройстве и несправедливой, противоречивой природе человека. Размышление это, как показывает исследование его мотивной структуры, стержнем своим имеет мотив смерти.

На русский язык при сохранении стихотворной формы «Прометей» Байрона переводился пять раз: известны переводы Василия Маркова (сделан для издания 1874 г. «Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов» под ред. Н. В. Гербеля), Аполлона Григорьева (1861), Михаила Казмичова (сделан для однотомного издания «Байрон. Избранные произведения», под ред. М. Н. Розанова в 1935 г.), Владимира Луговского и Вильгельма Левика (точные даты двух последних неизвестны, скорее всего, они выполнены в 50-60-е гг. XX в.).

Сопоставление переводов на предмет поиска общего, русского «поворота» байроновских смыслов в нем дает такую картину: этот «поворот» существует, он в большей или меньшей степени характеризует каждый из переводов, в глубине своей он совпадает с русским литературным восприятием байроновского творчества.

Суть изменений в мотивной структуре и во внутреннем содержании образов в переводах можно обозначить как движение в сторону веры в человека, веры в мир и в возможность его изменения. Это связано, в частности, с тем, что байроновский трагический образ перевернутого миропорядка прочитывается в них как образ бога - «случайного» узурпатора. Это также является следствием замещения байроновской трагической концепции двухипостасного человека (в котором тело тотально противостоит духу), образом человека духовного и праведного по своей сути, противостоящего окружающему миру.

Так, если у Байрона на первое место в мотивной структуре текста выходит мотив смерти (бессмертия), контрапунктно вводимый во все строфы, то в переводе Маркова он сглаживается, поскольку передвинут из первой строки во вторую и актуализован меньшее количество раз:

Не с равнодушием, как боги,
Титан бессмертный, ты глядел
На человеческий удел,
Его напасти и тревоги [4, с. 41-42].

Оригинал не связывает мотив противостояния с образами положительного движения и преобразования, но утверждает его самодостаточность (при невозможности общего переворота миропорядка). Перевод же Маркова определенно говорит о «случайности» судьбы Зевса, о словах титана как о «смертном приговоре» Громовержцу, о «радостном» и «доблестном» боре человека и о «претворении» смерти в победу (ср.: байроновское *And making Death a Victory*). Схожим образом, если у Байрона человек назван «мутным потоком из чистого источника», а его существование (точнее, видимо, сущность, так как английское *existence* имеет и значения «существо, создание, бытие») определяется двумя эпитетами «печальное» и «несоединимое» (*sad, unallied*), то у Маркова человек - это «ток ясных вод, бегущий в тине», а существование его сводится к «спору с бедой».

Перевод Казмичова в ином, революционном духе, прочитывает в байроновском тексте веру в человечество и в возможность тотальной «переделки» мира [2, с. 155-156]. Эта революционная вера ярко проявляется у Казмичова во введении несвойственных байроновскому «Прометею» образов огня и подвига, а также в замещении эмоциональным образом «сердца» рассудочного образа *mind*. В переводе появляются и «огненные сердца», и «отважный пыл», и «сердце», и «смертное сердце», и «опасный рубеж», и «подвиг», и «огонь небесный». Используя символику древнего мифа о Прометее, Казмичов разворачивает ее в политический «призыв к такой же воле и судьбе». Он замещает байроновскую концепцию индивидуального, личного внутреннего противостояния морально инверсированному миропорядку концепцией всеобщего, массового социально-политического переворота.

Перевод А. Григорьева, своеобразно акцентируя семы свободы и страдания, в целом характеризуется все тем же русским «поворотом»: он также интерпретирует «частичную божественность» образа человека у Байрона как «частицу божественности», а внутренне «несоединимое существование» человечества как его «борьбу без страха и покоя» с судьбой. Сигналами, указывающими на крепкую связь григорьевского перевода с литературной и переводческой традицией русского байронизма, являются романтические фразы-штампы: «тяжкое страданье», «мука», «оковы», «неволя», «дерзостное боренье», «наслажденье» [5, с. 496-497].

В переводе Луговского, как и у Григорьева, на место центрального мотива встает мотив страданий, а мотив смерти-бессмертия скупо звучит только в середине второй и в середине третьей строфы. И в нем, как в других русских переводах, вместе с затемнением мотива смерти-бессмертия размывается тема внутренней противоречивости человека, смягчается трагический пафос неизбывной (мифологической) дисгармоничности его существования. Закономерно в этом свете байроновское *a troubled stream from a pure source* прочитывается коротко и оптимистично как «светлый ток», а трагическое *sad unallied existence* как уныломещанское «бесцельное существованье» [1, с. 47-48].

Перевод Левика ближе к подлиннику в передаче общей интонации, мотивной структуры стихотворения [3, с. 121-123]. Он не добавляет сентиментальности байроновскому стиху. В нем сохраняется двойственность в обрисовке внешневнутреннего конфликта и трагичность в оценке негармоничной сути человеческой природы (ср.: *a troubled stream from a pure source* - «мутно мчащийся поток, рожденный чистым в недрах горных»; *his wretchedness, and his resistance, / And his sad unallied existence* - «мрак отчужденья, непокорство, / Беде и злу противоборство»). Уже в первой строфе миры людей и богов разнятся по вертикали смертность-бессмертие, образ автора не объединяется с людьми, но воспринимается в сопоставлении с героическим образом Прометея. В то же время, и здесь, менее явно, чем в переводе Маркова, намечается движение к утверждению веры в человека и к овнешнению его глубинного конфликта. Так, победно-уверенная интонация фраз «Но тщетно боги так суровы - / Ты не слабел от страшных мук» заменяет у Левика совсем другую интонацию, связанную с нагнетанием образов боли и страдания у Байрона: *All that the proud can feel of pain, / The agony they do not show...* Так же не случайно с этой точки зрения в последней строфе перевода появляется фраза, подчеркивающая торжествующее противоборство человека внешнему миру: «Всем черным силам даст он бой!» - фраза, у которой нет соответствия в оригинале.

Русские версии «Прометея» в разной мере проявляют общую тенденцию образно-смысловых изменений по сравнению с оригинальным произведением английского поэта. Это тенденция к смягчению трагической интонации, утверждающей моральную инверсированность мироустройства и несправедливость человеческой природы. В русских переводах «Прометея» внутренние изменения образов мироустройства и человека, а вместе с ними и мотивной структуры произведения, в большей или меньшей степени обнаруживают движение к вере в человечество и мир. В связи с этим основной конфликт в поэме прочитывается не как трагически безнадежное противостояние человека самому себе и, вместе с тем, миру (как у Байрона), но как обнадеживающее внешнее противостояние человека «темным сторонам» мира. Эта тенденция имеет свое соответствие в русской литературной байронической традиции, которая, как известно, смягчала одиночество героя, его исключительность и его противопоставленность «всем и вся» [7, с. 86-92].

Байроновский «Прометей» есть романтическое лирическое размышление о мироустройстве и человеке. Его отправной точкой является античный миф о Прометее. Он романтически переосмыслен в свете морально-нравственных ориентиров и историко-политических представлений европейца начала XIX века - наследника распавшейся просветительской картины мира. Мир байроновского «Прометея» в связи с этим характеризуют три основные черты: моральное измерение, дисгармоничность мироустройства, симметрия внутреннего и внешнего бытия.

Переводы «Прометея» как фрагмент диалога русских и русской культуры с Байроном и байроновским творчеством глубоко связаны с русским литературным восприятием поэзии Байрона. Переводы в этом отношении отражают не столько особенности мировоззренческих, переводческих и эстетических установок личности переводчика, сколько специфику национально-культурного восприятия инонационального произведения.

Список литературы

1. **Байрон**. Прометей // Байрон. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1953. 502 с.
2. **Байрон**. Прометей // Байрон. Избранные произведения / под ред. М. Н. Розанова. М.: Художественная литература, 1935. 437 с.
3. **Байрон Джордж Гордон**. Прометей // Байрон Джордж Гордон. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. 767 с.
4. **Байрон лорд**. Прометей // Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов / под ред. Н. В. Гербеля: в 4-х т. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1874. Т. 1. 320 с.
5. **Григорьев А.** Прометей (из Байрона) // Григорьев А. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 736 с.
6. **Елистратова А. А.** Байрон. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 264 с.
7. **Манн Ю. В.** Динамика русского романтизма. М.: Аспект-Пресс, 1995. 384 с.
8. **Byron Lord**. Letters and Journals: in 13 vols. / ed. by Leslie A. Marchand. L.: John Murray, 1973-1994. Vol. 5.
9. **Byron Lord**. Prometheus // Byron Lord: complete poetical works: in 3 vols. L.: George Routledge and Sons, 1859. Vol. 2.
10. **McGann J. J.** Fiery Dust: Byron's Poetic Development. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 324 p.
11. **Wasserman E.** Shelly's "Prometheus Unbound": a critical reading. Baltimore: John Hopkins University Press, 1965. 222 p.

BYRON'S "PROMETHEUS" IN RUSSIAN TRANSLATIONS: ANCIENT MYTH DOUBLE TRANSFORMATION

Svetlana Borisovna Klimova, Ph. D. in Philology

Department of Russian Language Stylistics and Speech Culture

Nizhnii Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov

sk470@cam.ac.uk

The article reveals one of the reasons of Byron's poetry "magic" influence through the analysis of the poem "Prometheus" motive structure and image-bearing system. In its ultimately limited poetic space the ancient plot meets with dramatic political reality, Christian-oriented moral and tragic world perception of post-revolutionary epoch. The article also tackles the peculiarities of Byron's text interpretation by Russian translators.

Key words and phrases: myth; motive structure; image-bearing system; translation.

УДК 372.881.1

Статья посвящена описанию этапов работы с видеоматериалами на иностранном языке при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей Института природных ресурсов Томского политехнического университета. Правильно подобранные видеоматериалы способствуют разностороннему развитию будущих специалистов, реализации наиболее эффективных условий их подготовки, интенсификации процесса обучения иностранному языку, а также повышению мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей.

Ключевые слова и фразы: иностранный язык для студентов неязыковых специальностей; повышение мотивации; оптимизации и эффективность учебного процесса; учебные видеоматериалы; дотекстовый / текстовый / послетекстовый этап.

Надежда Сергеевна Коваленко, к. филол. н., доцент

Юлия Владимировна Колбышева, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков в области природных ресурсов

Институт природных ресурсов

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

contraste@rambler.ru, kjv_09@mail.ru

**ЭТАПЫ РАБОТЫ С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ТПУ)[©]**

В настоящее время методика преподавания иностранных языков в неязыковом ВУЗе существенно изменилась под влиянием изменившихся целевых установок, поэтому использование видеоматериалов на занятиях иностранного языка помогает решить вопрос повышения учебной мотивации студентов.

Целью обучения иностранному языку в техническом ВУЗе является создание условий для формирования и развития коммуникативной компетенции, необходимой для иноязычной деятельности по изучению и осмыслению зарубежного опыта в профилирующих и смежных областях науки и техники, а также для осуществления культурного и профессионального общения. Овладеть коммуникативной компетенцией на английском языке, не находясь в стране изучаемого языка, достаточно трудно. Следовательно, важной задачей